

The cover features a silhouette of a person standing on a bridge railing, looking out at a sunset with a cloudy sky. The bridge's truss structure is visible below the railing. The entire scene is rendered in shades of orange and black.

16+

Сандра Красникова

Вакуумная тишина

Сандра Красникова
Вакуумная тишина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Красникова С.

Вакуумная тишина / С. Красникова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вакуумная тишина — это сборник, состоящий из 5 рассказов, объединенных между собой проблематикой будущего и ошибками прошлого. Каждый рассказ — крик о помощи и стон боли, каждая история — смех и слезы, переплетенные между собой до неузнаваемости. Автор жонглирует настоящим, благодаря чему получает будущее, полное разочарования и отчаяния. Такой ли свет ждет нас в конце тоннеля?

© Красникова С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Рабы не своих королей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сандра Красникова

Вакуумная тишина

Рабы не своих королей

Тяжелый желтый воздух чуть слепит глаза, тухлостью будней проникает в ноздри, клешнями воспоминаний треплет спутанные волосы. Река, протекающая под главным связующим мостом города, под воздействием городской смуты тоже отливает желтым цветом. Грязно. Сыро. Трудно дышать, но люди по какой-то даже им не известной причине продолжают вдыхать изгаженный воздух. Пускай они набирают в легкие пыль, пока могут; пыль все равно не заменит кислорода.

Мост через реку – самое гнилое место города, так как отходы, скопившиеся по всему миру и давно заполонившие мировой океан, сделали нахождение вблизи естественных водоемов невозможным. Если города или улицы разделены реками, то люди могут только перебегать с берега на берег как можно быстрее, иначе токсичные отходы, поднимаемые ветром с глади воды, начнут циркулировать внутри тела и вызовут необратимые, губительные последствия.

На одном из таких мостов сейчас стоит мужчина, по внешнему виду которого невозможно определить возраст. Рано постаревшее, сухое, морщинистое лицо выражает только неопределенную боль, и не понятно: физический ли дискомфорт, душевную ли муку испытывает человек. Тусклые, давно потерявшие детскую наивность глаза без блеска смотрят вдаль. Стягивая как можно туже некогда белый, но уже пожелтевший от сырости и времени халат, мужчина, задыхаясь, смотрит на мутную воду. Еще пару лет назад люди спрыгивали вниз, чтобы покончить с собой, но теперь находиться над испарениями вполне достаточно, чтобы лишиться жизни.

– Что ты наделал, Ясон Григорьевич? – сам себя спрашивает мужчина, и гримаса отчаяния тут же искажает его лицо.

Ветер усиливается, и облако с мелкой ряби воды поднимается вверх, растворяясь в грязно-желтом мире. С каждым вдохом окружающее пространство тускнеет; краски, и без того безжизненные, приобретают мертвенно-трупный оттенок.

– Молодой человек! – раздается в тишине безлюдной мостовой оглушительный пушечный залп мужского баса. – Здесь опасно находиться!

Не реагируя на человеческую речь, которая кажется далекой и непонятной, какой бы громкой она ни была, Ясон Григорьевич продолжает погружаться в свои мысли или, наоборот, перестает думать о чем бы то ни было: мутная гладь полнит глаза, вытесняя через них все живое, чем дышит душа; легкий ветер доносит отвратительный запах, который, кажется, научились обонять даже уши.

Что-то приближается, и Ясон Григорьевич, переборов себя, поворачивает голову. Рядом, так же сложив руки на перила, стоит мужчина, явно младше тридцати, но уже с покрывшими лицо и руки морщинами. С виду бедная, старая, поношенная одежда сразу выдает в нем бедняка, и только добрые, чуть наивные глаза (видимо, не познавшие предательства) с долей неведомого ранее в этом мире сострадания и готовностью помочь заглядывают в самую душу Ясона Григорьевича.

– Вы забылись? – обеспокоенно спрашивает он.

– Имя.

– Простите?

– Ваше имя.

– Неизвестный Георгий Георгиевич, – с непониманием отвечает мужчина, но уже через секунду усмешается каким-то своим, неизвестным другим мыслям.

Ясон Григорьевич облегченно выдыхает, освобождая легкие от тяжелого воздуха, и снова направляет взгляд в сторону реки. «Его имени не было в базе, пусть пока живет спокойно. Может, хоть у него получится жить так, как не смог я».

– Простите нас... это наша вина, наша ошибка, – чуть слышно говорит Ясон Григорьевич.

– Не знаю, о какой ошибке вы говорите, но исправить ее можно только будучи живым. Пойдемте отсюда, в городе все расскажете – я постараюсь помочь.

Молчание. Ясон Григорьевич с закрытыми глазами судорожно хватается за перила. Ожившая в нем рыба жадно глотает остатки размытого в едком газе кислорода. Корпус тела пошатывается, кожа, теряя природный цвет, поблескивает желто-белым оттенком. Последнее, что чувствуют нервные клетки, – грубый мужской хват; последнее, что улавливают ушные раковины, – чьи-то неровные шаги и скрежет подошвы по асфальту.

Отовсюду доносится гнусный запах мертвой, загубленной, убитой в зародыше жизни. Желтая пелена страданий уже застелила пол, как скатерть-самобранка, приготовив по заказу гниль и плесень для насекомых, специально прилетающих сюда, чтобы умереть. Ясон Григорьевич, проснувшись, морщит лоб. Сейчас он готов снова потерять сознание, лишь бы не чувствовать гнусность пропавшего болью места.

– Где я? – спрашивает он, с трудом открывая глаза.

Ответа нет. Гулкая тишина пронесется по коридору (иначе невозможно назвать то помещение, в котором очнулся Ясон Григорьевич); она мчится, как вестник непогоды – сначала не настырно, не привлекая к себе внимания, а после – угнетающе-тоскливо. Витающее в воздухе ощущение безысходности через легкие наполняет нутро.

«Я умер? И теперь обречен на вечные скитания там, откуда бежал?» – думается Ясону Григорьевичу.

И вот уже в глазах мелькают загадочные, призрачные огоньки фонарно-желтого цвета. Чьи-то шаги слышатся в приглушенной темноте коридора, и в скором времени очертания двери проясняются, доносится тихий скрип, и на пороге появляется мужчина. В грушевом отсвете уличного фонаря его лицо кажется ужасающе нереальным, мистическим, устрашающим. Даже подобие улыбки, сложенной на грубых губах, не внушает никакого доверия в мире, где доверять нельзя никому.

– Вы уже пришли в себя? Как самочувствие? Все в порядке?

«Это он? Неизвестный Георгий Георгиевич, которого я встретил на мосту? Значит, я жив. И зачем я снова здесь? Когда уже получится уйти туда, где нет этого мира? Неужели он спас меня, чтобы я снова мучился, давился остатками жизни, мною же и загубленной?»

Невыносимая, непонятно откуда взявшаяся злость охватывает Ясона Григорьевича, и вот он уже смотрит на возникшего перед ним мужчину, как на злейшего своего врага, словно бы именно тот виноват во всех бедах человечества.

– Местонахождение.

– Простите?

Невинно-детский голос незнакомца трогает сердце врача. Каким бы грубым басом ни говорил Неизвестный, какие бы низкие ноты он ни брал, есть что-то нетронутое в его голосе, что-то такое, что перечит его возрасту и, соответственно, хоть какому-то жизненному опыту, что-то такое, что заставляет смягчиться.

– Где я сейчас? – уже спокойнее спрашивает Ясон Григорьевич.

– Забульварная улица.

– Забульварная? Забытый Илья Олегович проживает где-то рядом?

– В какой-то степени: минут за пятнадцать отсюда, думаю, можно дойти до кладбища.

Тело Ясона Григорьевича покрывается мурашками. «Последний, – проносится у него в голове. – Последний из первого набора. Значит, не справились. Теперь... неужели теперь конец всему?».

– С его смертью наша жизнь превратится в ад, Георгий Георгиевич, – все еще сотрясаясь, говорит врач.

– Нам не привыкать.

Спокойствие незнакомца заставляет Ясона Григорьевича чуть прищурить глаза, чтобы четче увидеть мужское лицо и удостовериться в том, что человек перед ним не мираж или плод воображения умирающего безумца. В еще туманной голове даже мелькает мысль, не видение ли это, посланное Сатаной за все многочисленные прижизненные грехи.

– Вы даже не представляете, что говорите! – старается возразить Ясон Григорьевич, но губы и язык плохо слушаются его. – Теперь нет спасения!

– Люди умирают повсеместно, нам этого не изменить. Илья Олегович – всего-навсего очередная жертва ГСК.

– «Очередная жертва»? Вы хоть что-нибудь знаете об этом вирусе?

– Столько же, сколько и Илья Олегович, и вы, и весь мир. Это совершенно не изученная болезнь, не проявляющая никаких симптомов. В один момент человек просто засыпает и легко, безболезненно умирает.

– А откуда вы знаете, что человек умирает без боли? – неожиданно вскипает Ясон Григорьевич и подскакивает на ноги. – Разве вы подвергались атакам этого вируса, чтобы судить о подобном? Думаете, умереть равносильно тому, чтобы наткнуться зубами на палочку, поедая леденец?

– Я стараюсь не думать об этом... простите, как вас зовут?

– Ясон Григорьевич.

– Так вот, Ясон Григорьевич, я считаю, что все равно смогу узнать обо всем только тогда, когда придет время попробовать. Но смерть, не заставляющая корчиться от боли и стонать, как мне кажется, вполне неплохой вариант. По крайней мере, лицо моей жены не выражало ничего, кроме полного спокойствия, не всегда показывающегося на лице и во время самых сладких сновидений.

– Вы видите только внешность. Препарат сделан так, чтобы человек не имел сил выразить свою боль как вербальным, так и невербальным способом. Медленно заполняя клетки мозга, он сначала прерывает нервные импульсы к лицевым мышцам, лишая возможности мимики, а потом начинает разъедать все нервные связи, пока не дойдет до структур ствола, у основания головного мозга, и человек не погружается в глубокий сон, в котором нет ни дыхания, ни пищеварения, ни жизни. Только тогда из "клеща" выходит "спасительная" жидкость, поедающая клетки крови. Никто не выжил, чтобы сказать больно ли во сне оставлять жизнь.

– Вы знаете что-то про вирус ГСК?

– Это не вирус. Это государственный проект, сотрудником которого я являюсь... являлся до сегодняшнего дня.

– Проект? – непонимающе переспрашивает Георгий Георгиевич.

– «Государственный спасительный клещ» – вот полная расшифровка аббревиатуры так называемого «вируса». Хотя на деле это душегубка, а не машина службы спасения.

– О чем вы говорите?

– Нет никакого вируса. Люди умирают не потому, что им не повезло заболеть, а потому, что их мысли противны государству.

Георгий Георгиевич, недоверчиво смотря на своего гостя, медленно подходит к входной двери и закрывает ту на задвижку, предварительно проверив, нет ли кого на улице. Его блед-

ное лицо поворачивается с безжизненной скоростью и какое-то время недоверчиво, с беспокойным, почти безумным блеском изучает лицо гостя.

– Прошу, расскажите мне все, что знаете! От этого вируса погибли все, кто был мне дорог.

– Я могу рассказать многое о самой организации ГСК, если вы хотите...

– Хочу!

– ... но, боюсь, вы не поймете. Поэтому, если вы не против, я лучше начну с самого начала, с того момента, как этот проект только начинался.

Георгий Георгиевич понимающе кивает головой и, удобно устроившись на полу (так как больше все равно негде), начинает слушать плавный рассказ, не прерывая его до самого конца, и напоминая о своем присутствии только иногда проявляющейся дрожью.

– Тогда я еще был молодым и энергичным парнем, только закончившим медицинский университет. После клятвы Гиппократата я был полон идеей о спасении мира и всего человечества, о создании вакцин от плохо изученных болезней, обо всем таком великом и возвышенном, что сейчас хочется плакать от воспоминаний. Конечно же, это было ребячество, ведь медицина призвана помогать, но не спасать – государству нужны люди, но, если те будут абсолютно здоровы, то проку от этого не больше, чем от дорогого украшения, выброшенного в Тихий океан. В то время я пошел в государственную лабораторию и многие часы проводил за изучением вирусов. Вы, наверное, помните то время, пятнадцать лет назад: невиданный подъем медицины, резкий скачок в сфере технологии, создание, как все тогда думали, химически безопасных веществ, применимых во многих нуждах. Но все было не так гладко: прогресс в одной сфере неизменно влечет за собой регресс в другой: все силы были брошены в индустрию естественных наук, а про развитие души никто даже и не думал, поэтому люди вырастали жестокими эгоистами, идущими в набирающие популярность медицинские, радиотехнические, химические кто изначально ради наживы, кто – ради статуса и престижа, и, в конечном счете, люди стали чужими друг другу.

Вы выглядите таким нетронутым той порочной жизнью, что переполняла всех, поэтому, наверное, вы и смотрите на меня с таким недоверием и непониманием. Но, поверьте, все люди, которых я когда-либо знал, были заняты собой, и в то время никто бы не заметил человека, стоящего на мосту и готового на последний вдох (хотя еще и не было экологических проблем, поэтому правильнее сказать – на последний шаг). И никто бы, как вы сегодня, не заставил его продолжать свою мелкую, микробную жизнь. Да-да, именно микробную, ведь среднестатистический человек ничем не отличается от самого обычного микроба: потребляет нужные для жизни вещества – еду, чистую воду, последние остатки кислорода – только и всего. Человек попусту микробничает.

Наверное, поэтому-то в тот момент и пришел к власти Ненашев Василий Аристархович – и поныне действующий президент. Из-за его абсолютной неспособности правильно управлять финансами, экономика тогда очень сильно пошатнулась: лаборатории перестали спонсировать, рынки пустовали, не было ни денег, ни еды, ни одежды. Практически все население почувствовало на себе удар, появились массовые недовольства, восстания, митинги...

Было видно, что Ненашев со своими обязанностями не справляется. После завершения его срока, был избран... как же его звали... не важно, ведь следующий кандидат проявил себя только хуже: повторяющиеся с завидной периодичностью грабежи, разбои, полное отсутствие дисциплины, рабочего и денежного порядка. Поэтому, как только его упекли в тюрьму, на следующих выборах во главе государства снова оказался Василий Аристархович. Тогда он и начал спонсировать придуманную им же программу, направленную на, как он тогда выражался, «истинное спасение населения, возможное только уменьшением непокорности низов верхам».

Первые микрочипы организации, названной ГСК, внедряли в головы преступникам в тюрьмах, пациентам в больницах и всем, кто каким-то образом попадал в государственные учреждения. Устройство работает по принципу клеща: достаточно положить устройство на

голову человека, как то начинает проникать под кожу, предварительно открыв первый клапан и выпустив сильное местное обезболивающее. До открытия проекта я изучал не только воздействие вирусов на организм, но и следил за всеми новостями проекта, изучающего установление контроля за чужими мыслями. Пожалуй, именно поэтому, как только открылся комитет ГСК, я тут же подал документы на перевод меня в этот отдел.

Первоначальный план работы прибора выработал я, поэтому постараюсь объяснить как можно более популярно.

Итак, «клещ», наблюдая за активностью мозга, становится с ним одним целым, тем самым выявляя наиболее частые комбинации взаимодействия нервных клеток, осящая на себе все химические передачи между ними. Единого «языка» химических сигналов для всех людей не существует, тут как повезет: где информация сохранилась, там и будет до самой смерти (или человека, или самой клетки), к тому же одна и та же информация может храниться в нескольких рядом расположенных клетках, но зато смысловые блоки и общий контекст передачи можно вычислить. Это уже математика, причем довольно сложная и громоздкая, и нам не нужно вдаваться в подробности. Так вот: попадая в головной мозг, единый чип делится и «расползается» по мозговым отделам и структурам, начиная «шпионить» за деятельностью мозга. Сначала было много несчастных случаев, но после нам удалось настроить программу и с высокой точностью определять опасные для правительства ходы, причем неважно – мысли или поступки. При трехкратном повторении разных, но опасных кодов (как например, одна и та же мысль, несколько раз повторяющаяся в голове, не повлечет никаких действий, так как, в сущности, – это одна и та же мысль) в теле клеща открывается второй клапан, и на мониторе загорается желтый цвет – это значит, что человек опасен, и тогда его добавляют в базу. В случае претворения мыслей в действия, открывается последний клапан, и смертельная доза препарата, разработанного моими коллегами, автоматически оказывается в голове у человека, а после высокого подъема мелатонина (гормона сна), препарат начинает действовать.

Мне даже подумать страшно, сколько людей умерли тогда, и какие муки они испытывали в момент, как вы выразились, «легкой смерти». Вы и представить себе не можете, какие могут быть галлюцинации и мышечные спазмы после мнимого отключения сознания. Но это были вынужденные меры до тех пор, пока однажды мятеж из-за задержки (положа руку на сердце, полугодового отсутствия) зарплаты и средств существования не поднял обычный человек, ничем не примечательный работник завода. Ни в нем, ни в ком другом из забастовщиков, не было клеща, поэтому на подавление восстаний в первые дни ушло много и сил, и средств.

После усмирения бунтующих было решено видоизменить планы. Теперь чип могли посадить не только в полиции, больнице или зале суда, но и в общественном транспорте, на улице, в магазинах. Случайные люди стали жертвами ГСК, в общем 85 167 человек вошли в так называемый первый набор. Пять лет подряд люди умирали, и врачи пожимали плечами, обвиняя во всем несуществующий неизвестный вирус, названный в честь нашего комитета – ГСК-вирус. Врачи перенесли всю вину на мировые загрязнения, но почти все они знали об истинной причине смертей.

Я помню каждого умершего поименно, помню, когда и где они потеряли сознание. И эти знания не дают мне покоя, я чувствую, как медленно схожу с ума, как вина убивает меня вернее любого препарата. Зачем вы спасли меня? Я не хочу погибнуть в умственной эпидемии; не для того я столько работал на благо мира, чтобы видеть конец его. В нашей стране все протестуют молча, моя смерть также должна была быть немногословной...

Георгий Георгиевич, все это время внимательно слушающий рассказ, слабо улыбнулся, преодолевая боль лицевых мышц, напряженных в течение последнего часа. Он поднялся на ноги и подошел к двери, открыл ее, впуская глоток тухлого воздуха в помещение, и, не глядя на Ясона Григорьевича, сказал тихим голосом, словно бы осипшим от громкого и одновременно не выплескиваемого крика:

– Вы хотели молчать, но раз слова сказаны, почему не начать действовать? Почему вы не можете изменить свою ошибку? Ваши действия итак привели к смерти почти половины населения, больше терять уже нечего. Вы еще можете все исправить.

Ясон Григорьевич молча подходит к двери, словно заглядывает через маленькую щель в большой мир.

– Мы даже не микробы, а микроэлементы в этом макромире, – говорит он. – Заботясь о том, как убить друг друга, мы не заметили, как убили все живое вокруг. Когда-то еще говорили о проблемах экологии, но теперь и говорить, и действовать уже бессмысленно. Мы опоздали. Последние годы наш мир стоит на глиняной стеле. Для сравнения, цапля тоже стоит на одной ноге, но, в отличие от нас, цапля живая, по ее ноге циркулирует кровь, а потому она выстоит, а мы – вряд ли. Мы хотели всего достичь быстро, но быстрые реки зачастую настолько узки, что корабль при всем желании не сумеет войти ни в одну из них. Теперь-то я знаю, что невозможно изменить мир к лучшему.

– Возможно. Но вы выбрали неверный способ. Как можно построить идеал на костях? Никак. А что сможет произвести на свет мясо? Только такое же мясо. Именно поэтому в любое дело нужно вкладывать душу. Мир жесток затем, чтобы детям наших потомков не познать жестокости. Мы творим мир для них, сами не замечая, как губим то, что имеем. Еще есть возможность вернуться, Ясон Григорьевич, еще все можно спасти, если вы хотите, чтобы были они, эти дети потомков, и чтобы видели они воду, которую еще можно вернуть, и чтобы жили они в том мире, который еще можно исправить, в котором еще не укоренились окончательно насилие и злоба. Вы ошиблись. А кто не ошибался? Одержимый идеей становится одержимым – этого не изменить. Но исполнившаяся мечта порой калечит похлеще неисполненной – тут зависит не от того, что желать, а от того, как двигаться к мечте. Человек – это мотылек, бьющийся в стекло, пока не расшибется, но ведь даже не подумает про открытую дверь!

– И что вы предлагаете? Я не могу изменить прошлое.

– Но вы все еще можете поменять будущее, пока живы. Если эти чипы не активированы в полную силу, если люди все еще способны мыслить, они прислушаются к вашим словам. Есть странная особенность в людях – верить медикам. Расскажите им все то же, что и мне.

– Избыточная правда тоже вредна: она бывает хуже лжи.

– Именно поэтому она должна поступать тогда, когда в ней есть необходимость, иначе она теряет всякий смысл. И сейчас – самое подходящее время!

– А есть ли смысл говорить в безответную тишину? Поймут ли люди?

– Я отвечу на ваш вопрос тогда же, когда и вы сможете дать ответ на мой: что предпочесть – хаос или утонченную небрежность? Что страшнее: чума или туберкулез? Если бы вы могли выбирать, что бы вы выбрали? По глазам вашим понятно, что, как врач-лаборант, вы бы избрали отсрочку и того, и другого до поры до времени. А вот после изобретения новейшего препарата от того или другого, когда вы будете готовы, тогда и сделаете выбор. Вот только отсрочки в истории не бывает. Либо вы как можно быстрее придумываете лекарство, чтобы спасти всех, либо смотрите на то, как умирают те, кто вам дорог, и те, кого вы даже не знали, но кто мог бы сделать еще в своей жизни множество важных мелочей. Разве вы не хотите все исправить? Изменить? Разве не лучшей жизни вы хотели? Так чего стоите, Ясон Григорьевич! Зачем?

«И правда!» – вдруг проносится чей-то незнакомый голос в голове врача, и тот без лишних слов, быстро перебирая ногами, переступает порог двери, стараясь как можно скорее окатиться на грязной, пыльной улице. Но вместо этого обнаруживает он себя лежащим в каком-то желто-белом помещении. Опыт дает о себе знать, и Ясон Григорьевич сразу понимает, что находится в государственной больнице. Первым делом ощупав голову, он не находит никаких признаков пребывания ГСК, и потому, поднявшись на ноги и ощущая некоторую слабость в конечностях, все-таки решает идти.

– О, уже очнулись, Ясон Григорьевич? – улыбаясь, говорит человек в дверном проеме.

Поправляя халат, мужчина лет тридцати с невероятно детской, наивной улыбкой, открыто смотрит на Ясона Григорьевича, своего нового пациента. Ни улыбка, ни телодвижения не внушают доверия, но все такие же невинные глаза с блеском смотрят на врача, и потому тот, не выдерживая, отводит взгляд в сторону.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Не удивляйтесь: при вас были документы, потому я все теперь о вас знаю.

Оглядев свой старый, потрепанный халат, Ясон Григорьевич перевел чуть испуганный взгляд на улыбающегося человека в точно таком же халате. Мужчина, что стоял перед ним, был тем самым человеком, что стоял на мосту и спас жизнь ненужного миру человека. Он был тем самым мужчиной, что привиделся Ясону Григорьевичу на грани жизни и смерти и вытащил с того света. Значит, должно было быть что-то в этом человеке, ведь послал же провидение именно его.

– Георгий Георгиевич?

– О, вы запомнили? Значит, и правда феноменальная память у членов комитета ГСК. О, не беспокойтесь, это было прописано у вас в рабочем билете. Мы отправили запрос в департамент, и нам пришел положительный ответ. Вам даже в голову ничего не инъецировали – у вас же все важные мысли (или правильнее сказать – коды?) в голове, а значит, исходя из нового положения дел, вы бы моментально стали тем, кого медицина спасти не в силах.

– Уже началось? – трясаясь, спрашивает Ясон Григорьевич.

– Да, – спокойно отвечает Георгий Георгиевич, все так же улыбаясь.

«Началось. Забытый Илья Олегович. Неужели он и правда умер? Значит, вещий сон... или кома. Сколько слышал из медицинской практики – никогда не верил; а тут – сам столкнулся. Кто бы мог подумать...»

– Теперь нам осталось только возлюбить президента Ненашева, – продолжает Георгий Георгиевич, нисколько не изменившийся в лице.

– Знали бы об этом те несчастные с клещами в голове.

– О, вы же еще не знаете! Да, в наше время один день – уже огромный срок (а вы не приходили в себя как раз сутки); все так быстро меняется, что и запомнить не успеваешь, а уже все по-новому. Василий Аристархович подписал... ну, да вы в курсе первоначального плана по ликвидации антипрезидентского настроения. Вот, только теперь появилась поправка: сначала в каждого жителя должны вселить этого клеща, и только после пламенной речи Василия Аристархович по всем радио- и телеканалам они активируются. Эх, веселая наступает пора!

– Лучше бы фильтры для воды ставили, чем этих клещей...

– Ох, Ясон Григорьевич! Вы так говорите, словно отрекаетесь от собственного детища! Это чудесный проект! Да-да, теперь я все-все знаю. Департамент прислал ответ, считай, что целое личное дело. Я ведь тоже член ГСК, хотя и всего-навсего врач госучреждения, "подсе- ляющий" в хозяина клеща, но я, уж поверьте, наслышан о работе! Прекрасный проект!

Желтоватое лицо искажается в гримасе разочарования после услышанных слов Георгия Георгиевича. Какое-то отчаяние резко охватывает врача лаборатории, и тот медленно бредет к двери, намереваясь во что бы то ни стало покинуть больницу. Ожидания, пришедшие в забвение, как мотылек, летящий на свет, разбились о фонарь жестокой реальности. «Не он. Не тот, – понимает Ясон Григорьевич. – Не в нем спасение. Тогда где?»

– В вас самих клещ не сидит часом? – уже почти выйдя из палаты спрашивает Ясон Григорьевич.

– Извольте! Я сам как клещ: в кого вопьюсь, пусть ждет болячек на голову!

– Охотно верю. Позвольте теперь вернуться в лабораторию.

– Но вы еще слишком слабы, – поздно, но все-таки вспоминает врач.

– Нисколько. Я чудно поспал и полон сил. Спасибо. Можете выписывать хоть сегодня.

– Не подождете до утра?

– Сейчас обед, – посмотрев предварительно на часы, нервно отвечает Ясон Григорьевич, – так что я даже до вечера остаться не могу. Нужно еще заехать в лабораторию, потом... работа, вы понимаете.

– Да, прекрасно понимаю! Что ж, придется выписывать.

Освободившись от больничного заключения, член комитета ГСК сразу направляется на автобусную остановку, вот только едет не на работу, как обещал, а на Забульварную улицу, где хочет проверить свои сомнения в вещих снах. Забытый Илья Олегович, проживающий здесь, действительно умер позавчера, но это был скорее очевидный факт, нежели реальное пророческое видение: проживал без жены, лишился внуков в войне за наследство собственного сына, которое ему было и не нужно, да и самого сына потерял на металлургическом заводе. Ему было бы сложно прожить больше своих 68 лет в одиночестве, за городом, откуда до ближайшего продуктового сбыва приходится идти быстрым шагом больше часа. Он умер не из-за действия клеща, а по своей собственной, известной только Богу причине, но разве это интересно правительству? Даже если бы вместо того, чтобы попасть под воздействие сонного препарата клеща, все носители вируса оказались убитыми, подписанный Ненашевым приказ все равно начал бы работу со следующего дня. Никому нет дела до ближнего, если ближний – это не ты сам.

А вот тот факт, что Георгий Георгиевич действительно живет здесь, удивил Ясона Григорьевича. Была и еще одна странность, досадно поразившая врача: соседи, нехотя открывая дверь, не дослушивали вопрос до конца, стоило только произнести имя медработника, оказавшего невиданную доброту незнакомцу. У очередной двери все-таки удастся получить ответ о номере дома Георгия Георгиевича, поэтому аккуратно спроваженный Ясон Григорьевич в скором времени садится на порог каморки и ждет появление врача.

Нельзя сказать точно, сколько конкретно прождал он на холодных ступеньках, так как очередной сон сморил его.

И снится Ясону Григорьевичу тот же мост, на котором он стоит, те же мысли. А за его спиной – безграничное пространство, заполненное душами тех, кто погиб от ГСК. И ближе всех стоит Забытый Илья, еле опирающийся на костыль. Только он еще имеет лицо, так как не забыто пока его имя, но и оно уже расплывается в остатках человеческой памяти.

– За что вы погубили нас? – говорит Забытый Илья Олегович, но ни один мускул на его мертвом лице не двигается. – За чью идею умирают люди?

– За идею блаженного мира. Чтобы все были подчинены единому правительству, чтобы система государства работала, как некогда работали швейцарские часы.

– Разве убийство – это работа? Разве мы враги?

– Враги-друзья, соперники-соратники, слуги-предатели... сначала нужно определиться, по отношению к кому.

– По отношению к простым гражданам. Люди не могут не роптать – это в их крови. Всегда есть что-то обыденное, чего быть не должно, но что своим наличием раздражает население. Так было всегда. Так навсегда останется.

– А разве вам плохо сейчас? – Ясон Григорьевич чувствует, как сдерживаемые в течении последнего года слезы текут из глаз, а губы искривляет улыбка. – Всегда есть те, кому хуже. Они – живут! Они помнят о вас. Они борются ради вас. Они продолжают жить ради вас.

– Но почему тогда они должны жить и страдать, а мы – нет? Кто избрал нашу участь без нашего согласия?

– Меня уверили не в том, что я гражданин и должен защищать себе подобных, а в том, что я – лидер, намного выше вас, который должен уводить людей в пучину общественной жизни. От ваших смертей мне легче жить не стало.

– Но ты живешь!

Множество душ за спиной Ясона Григорьевича начало приближаться. Там были не только умершие из-за препарата, но и тысячи загубленных жизней сотрудников государственных учреждений, и остатки тех, кто кончал с собой из-за потери всех родных и родственников. «Лучше самому! – решает врач. – Я не позволю кому-то сталкивать себя! Я и сам собирался это сделать!». Ясон Григорьевич спрыгивает в мутно-желтую реку, и тут же, словно бы почувствовав ожог по периметру всего тела, он открывает глаза. Такие сны уже не в первый раз тревожат его, поэтому он давно перестал тревожиться на их счет.

– О, вы меня караулите что ли? – еще издали видна широкая улыбка, поэтому в имени ее носителя невозможно усомниться – это подходит Георгий Георгиевич.

– Нет, что вы... я лишь хотел приватно поговорить с вами, – встав на ноги, отвечает Ясон Григорьевич.

– И поэтому вы пришли ко мне домой? Похвально. Что ж, у меня, конечно, не очень-то и убрано, но проходите, если не боитесь грязи.

– Вы даже не будете меня спрашивать, как я нашел ваш дом?

– Глупо удивляться: это меньшее, что я могу ожидать от работника комитета ГСК при департаменте.

Дверь открывается, и Ясон Григорьевич оказывается в помещении из предсмертного сна, увиденного в больнице. Оглядываясь, он старается найти хоть что-то непохожее, но тот же пол, отсутствие мебели, полутьма и тот же гнилой запах мешают сосредоточиться.

– И вы живете здесь? – прикрывая рукавом нос, спрашивает член комитета.

– Обычным врачам не так много платят, поэтому – да. К тому же, этот дом мне дорог как память. Он принадлежал моему отцу, а тот получил его от деда. Этот дом – все, что есть у меня от родни, поэтому я и не смогу переехать. А что насчет запаха – это же ничего? Я-то уже привык...

– Можно подумать, у вас здесь несколько трупов в подвале...

– А почему нет? – ужасающая улыбка не сходит с лица. – Я – врач с собственным кладбищем. У вас-то таких, наверное, несколько будет.

«Зачем я пришел? – начинает лихорадочно вспоминать Ясон Григорьевич. – Чего я хотел? Убедиться? В чем? Я хотел чего-то большего... почему я не помню?»

– Так о чем вы хотели поговорить со мной?

– Ах, точно... – глаза врача бегают по комнате, стараясь зацепиться хоть на чем-то, но единственный элемент декора в комнате – портрет президента Ненашева. – У каждого времени свой идол, не правда ли? Пещерный человек, например, рисовал на скалах мамонтов и охотников-соплеменников. Древние египтяне строили пирамиды во славу душам своих императоров. Православные ставили икону Божьей матери в красном углу. И даже сейчас мы все еще ограничены обыденным рабством: мы вешаем портрет президента в офисах.

– Я так привык к портрету Василия Аристарховича, что уже не могу обходиться без его лица, смотрящего на меня. Я не раб. Я – гражданин, вольно решающий...

– Вольно решающий, кого сделать идолом. Вы правы. Но вы хоть раз задумывались, кто такой Ненашев на самом деле? Это маленький, милый ребенок, протягивающий в одной руке счастье и забирающий его второй рукой.

– Что бы вы ни говорили, а лучше не дожидаться репрессий и вести себя правильно... это какая-то проверка? Я не имею ничего против президента! Ничего!

– Я не послан правительством. Говорите.

– Мне нечего сказать.

– Тогда скажу я. Мне надоело быть собакой, смиренно ждущей у ног хозяина, когда же он наконец соизволит бросить ей кость, ведь на мясо рассчитывать уже не приходится. Разве вы не чувствуете то же самое, Георгий Георгиевич?

– Наверное, страшно вам парить над пропастью, ни за что не держась... Одумайтесь! Ваши крылья – искусственные, вы вот-вот упадете вниз! Разве можно так говорить о правительстве? Тем более, в наше время...

– Так вы не хотите пойти против президента и существующих порядков в стране?

– Ни за что! Ненашев – наше все! Свобода – это ситуация, при которой нужно пренебрегать своей природой! Только правящий страной может исправить все!

– И кто же правит страной?

– Президент!

– К сожалению, маразм.

– Видимо, нельзя помочь звезде, если та уже летит вниз... – говорит Георгий Георгиевич, и что-то, блеснувшее в свете из-за приоткрытой двери, быстро достается из кармана.

– Консерватизм – идеология неандертальцев! – вскрикивает неожиданно для самого себя Ясон Григорьевич. – Одумайтесь! Что может быть привольнее заблуждений? Рассуждения! Но мысли не меняют порядок вещей. Смириться и покориться – самое простое, что мы можем! Однако там, где есть подданство, зачастую не хватает обыкновенного патриотизма. Подумайте! Государство консолидирует общие ценности! И сейчас самое важное для всех вас – президент! Одумайтесь же, люди! Если все перестанут думать, мы станем марионетками, мы перестанем существовать!

– Сознательная жизнь приводит только ко лжи и путанице. Легче привыкнуть, чем изменить. Я как врач говорю: травмы, как врожденные, так и приобретенные, не влияют на самого человека, только лишь на отношение к нему окружающих.

Врачи сходятся друг с другом. «Найти общий язык можно только с теми, у кого есть этот язык», – проносится в голове у Ясона Григорьевича и он, юркнув под замахивающейся рукой Георгия Георгиевича, в которой оказывается небольшой нож, быстро выбегает из дома.

Как и ожидалось, Забульварная как представительница мелкой и малолюдной загородной улицы оказывается пустой, и человек, убегающий от ножа, здесь беспомощен. Ясон Григорьевич бежит, стараясь скрыться за каждым домом, но быстрые шаги за спиной с каждой секундой только приближаются. Он как никогда чувствует, как бешено колотится его сердце, изредка замирая, чтобы слух уловил едва слышные шорохи, доносящиеся за углом. Ясон Григорьевич решается на отчаянный шаг и поворачивает туда, откуда нет выхода, оказываясь в переулке. «Пан или пропал!» – думает он, прижимаясь спиной к стене, стараясь, как хамелеон, слиться с ней в одно целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.